

**«Вклад святителя Игнатия (Брянчанинова)
в христианскую психотерапию (душепопечение): теория и практика»**

*Лагутов Николай Викторович, гранд-доктор философии (доктор психологических наук),
доктор теологических наук, профессор кафедры Практической теологии и православной
психологии и действительный член Академии гуманитарных и общественных наук,
ректор Национального гуманитарного института социального управления,
председатель Психологической ассоциации Российского общества духовной культуры*

*Доклад на научно-богословской конференции «Святитель Игнатий (Брянчанинов):
жизнь и духовное наследие (к 150-летию со дня преставления)» (12.05.2017)*

Идею о том, что православная аскетика представляет собой самую настоящую «экспериментальную психологию и богословие», т.е. «деятельное, живое познание человека и Бога, насколько это познание доступно человеку» (Т.І, с.445; Т.ІІ, с.8-9)¹, свт. Игнатий (Брянчанинов) высказал в своих «Аскетических опытах» почти за 10 лет до появления собственно «научной» психологии В. Вундта.

Рассмотрение аскетических трудов Святителя в качестве целостной теоретической системы христианской психологии представляет собой благодатную, благодарную, актуальнейшую задачу для будущих исследователей: как христианских святоотеческих психологов, так и православных богословов, для которых христианство – не только история Церкви, литургика или сборник догматов и доктрин, но реальный призыв к стяжанию Святого Духа Христова.

Задачей же данного сообщения будет практическая иллюстрация неких граней этой системы аскетическими техниками, используемыми свт. Игнатием в различные годы его жизни в духовном самоконсультировании и душепопечении.

Думается, сравнение тех данных, которые черпаются исследователями о Святителе из его теоретического учения, с той картиной, которая возникает при знакомстве с фигурой свт. Игнатия как практика-подвижника и душеведца (психолога и психотерапевта), будет весьма полезно для суждения о том, подтверждаются ли практикой теоретические построения Святителя.

1.

Важнейшей составляющей теоретической системы христианской психологии является аскетическое учение о личностной самоактуализации индивида в злых или добрых навыках, т.е. в страстях или добродетелях. По учению свт. Игнатия, сами по себе греховные и благие свойства человека от рождения «не налагают никакой решительно печати на человека; налагает ее склонность, усваиваемая... постоянным... удовлетворением ее» (Т.1,с.380),

¹ Творения Святителя Игнатия (в 7-ми томах): Т.І-ІІ Аскетические опыты. 1998; Т.ІІІ-ІV Слово о смерти. Аскетическая проповедь. 1997; Т.V Приношение современному монашеству 1998; Т.VІ Отечник 1999; Т.VІІ Симфония по творениям святителя Игнатия с предметным и именным указателями 2001. Издательство Сретенского монастыря. Здесь и далее ссылки на данное издание даются непосредственно в тексте, с указанием тома и страницы в круглых скобках.

что в современной психологии соответствует т. наз. акцентуациям характера.

В своих «Аскетических опытах» свт. Игнатий реконструирует святоотеческую схему развития страстей и добродетелей, отмечая внутреннюю связь между ними.

Так, чревоугодие (в психологии экстравертная *гипертимность*) рано или поздно толкает человека в интровертированное *неустойчивое расстройство личности*, т.е. «любодеяние», «блуд», как физический, так и мировоззренческий, как об этом образно свидетельствует св. Писание: «Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство» (Эф.5,18), т.е. уклонение от верного пути. Ему сопутствует тяга к удовольствиям, развлечениям, мечтательности, нетерпение в достижении целей (романтизм).

Нетерпение в свою очередь влечет за собой стремление достичь желаемого любой ценой, а инструментом достижения цели становится любостязание (сребролюбие), или экстравертированная «*паранойя*».

Возможные неудачи ведут к печали (*психастении*), или гневу (*эпилептоидности*) по отношению к препятствиям на пути достижения цели.

Гнев же опустошает душу, неудачи делают ее пустой, что влечет за собой уныние (*депрессию*), небрежение к благочестию, а может быть, и к суицидальным попыткам.

Если же человек хочет выглядеть благочестивым, а не «пустым», оставленным благодатью, то заменяет пустоту «имиджем», т.е. тщеславием (*демонстративностью, истероидностью*).

Экстравертированная же *истероидность* (тщеславие) является оборотной стороной крайне интровертированного *нарциссизма (шизоидного расстройства личности, гордости)*, для которой характерны: эмоциональная сдержанность, холодность, предпочтение себя всем, дерзость, самоволие, повышенная тяга к фантазированию, оригинальным увлечениям, заполняющими весь внутренний мир, безбожие (в описании аввы Евагрия – «видение бесчисленных в воздухе демонов»²). Все это в комплексе (включая наличие бредовых идей и галлюцинаций) напоминает признаки шизофренического синдрома.

² *Евагрий, авва.* О восьми помыслах к Анатолию. // Добротолюбие. Т.1. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1992, с.605.

1. ЛОГИКА РАЗВИТИЯ СТРАСТЕЙ

Интровертированность

Шизоидное расстройство личности (крайне интровертированная), **гордость**

(раздражительность, «ненависть к добру», зло-радство, «смерть души»)

Дистимное расстройство личности (гипотимия), **уныние** (неверие, греховная «проказа»)

Психастеническое расстройство личности

(тревожно-мнительная, педантичная), **печаль** (нерадение, «скорченность назад», «непреклонность на добродетель»)

Неустойчивое расстройство личности, блуд (блуждание), нетерпеливость (духовная «слепота»)

Экстравертированность

Истероидное расстройство личности (демонстративная), **тщеславие**

Эпилептоидное расстройство личности (эксплозивная, возбудимая, педантичная), **гнев** (жестокосердие, «глухота», «гангрена разумной части души»)

Паранойальное расстройство личности (застреваемость, цикличность), **сребролюбие**

(духовный «паралич»)

Гипертимное расстройство личности (*сверхактивность*), **чревоугодие** (*сластолюбие*, образ «желтухи» как болезни печени, перестающей очищать кровь, отчего и появляется определяющий название болезни нездоровый цвет лица) – «неверное воззрение на Бога и Его творение» (неумеренность)

2.

Анализ же «добродетельных» акцентуаций и порядка их проявления показывает, что простота (воздержание) соответствует и первичнее послушания, вера – надежды и т.д. Каждая первичная добродетель активна и направлена вовне (экстравертна), вторичная – не только, напротив, интровертна, но и представляет собой результат упражнения в первой.

Неверное исполнение добродетелей ведет к соответствующей «страстной» акцентуации, причем не всегда подвижник это замечает, поскольку они близки по мотивации (например, паранойя – та же самая вера, но осуществляемая своими силами, без доверия Богу, а потому беспокойная, подозрительная, недоверчивая, выискивающая во всех случайностях потенциальную злую волю, могущую помешать реализации сверхценных идей).

Согласно свт. Игнатию, построение себя в христианской аскетической психологии начинается с фундаментальных ценностей базального (плотского) уровня – воздержания (простоты) и послушания, а смирение является уже «воротами» в богооткровенные состояния персоналистической духовности (Мф.5,8). Не пройдя их, смиряясь, но не получив смирения как духовного качества личности (т.е. не получив Божественную благодать), но пытаясь выгладеть, как будто это произошло, человек непременно впадает в уныние (депрессию), по характеристике аввы Евагрия – «духовную проказу»³, библейский символ нераскаянного греха, нечистоты и бесплодия, либо гнев (эпилептоидность), либо тщеславие с гордостью.

Духовный уровень вообще не зависит от теоретических выкладок психологии, в том числе и аскетической. Он может быть описан, но понятным становится лишь тому, кто практически стяжал через Откровение свойства «облагодатствованного», «духоносного» человека, который, как характеризует его преп. Макарий Великий, «после долгого состязания и борения одерживает победу и делается христианином (решается, то есть, быть строгим последователем Христовым)»⁴.

Подражающий ему, но не имеющий смирения и благодати, непременно впадет в страсть, и подвиг должен будет начаться заново, через покаянное возвращение к основанию, которым является стяжание простоты и послушания традиции.

³ *Евагрий, авва.* 33 главы аналогий, или уподоблений. // Добротолюбие. Т.1, с.598-599.

⁴ Макарий Великий. Необходимость твердой решимости на подвиг. // Добротолюбие. Т.1, с.176.

2. ЛОГИКА РАЗВИТИЯ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

ИНТРОВЕРТИРОВАННОСТЬ			ЭКСТРАВЕРТИРОВАННОСТЬ	
Дух (Самолюбие)	Шизоидное расстройство личности (крайне интровертированная), <i>гордость</i>	Радость (любовь, молитва, духовное радение) Изгнанные за правду (Мф.5,10) Радостное влечение к Богу, видение в ближних образа Божья, благоговение перед ближним, равная любовь к друзьям и врагам, восхищение в молитву и наслаждение ею всего духа и тела, молчание ума и страстей, познание существ бестелесных	Кротость (укрошение себя, самоактуализированность вовне, «домашность», распространение Царства Божья (воли Божьей) на земле) Миротворцы (Мф.5,9) Неошущение оскорблений, незлобие, Служение Вера Простота	Истероидное расстройство личности (демонстративная) <i>тщеславие</i>
Дух, личностно-ориентированные потребности (Славолюбие-самолюбие)	Дистимное расстройство личности (гипотимия), <i>уныние</i> (неверие, греховная «проказа»)	Смирение (обретение мира с Богом и с самим собой) Чистые сердцем (Мф.5,8) Страх Божий, пренебрежение похвалой, беспристрастие, самоукорение (видение своих недостатков), несамооправдание перед обижаящими	Служение (Богу и людям в каждом деле) Милостивые (Мф.5,7) Усердие ко всякому доброму делу, <u>как к священнодействию перед Богом</u> . Церковная жизнь, благоговение	Эпилептоидное расстройство личности, гнев «гангрена разумной части души»)
Социальные потребности (славолюбие)	Психастеническое расстройство личности (тревожно-мнительная, педантичная), <i>печаль</i> (нерадение, «скорченность назад», «непреклонность на добродетель»)	Надежда (ожидание плода подвига, опираясь на свой деятельный опыт) Алчущие и жаждущие правды (Мф.5,6) Знание своей нищеты духовной и милосердия Божия, плач о грехах, благодарение Богу в скорбях, исправление от страстей, терпение, твердость, мужество	Вера (доверие традиции, людям и Богу) Кроткие (Мф.5,5) Довольство самым необходимым, милосердие к нищим, упование на промысел Божий	Паранойальное расстройство личности, сребролюбие (духовный «паралич»)
Тело, базальные потребности (сластолюбие)	Неустойчивое расстройство личности, блуд (блуждание), <i>нетерпение</i> (духовная «слепота»)	Послушание (терпение, умение слушать других, традицию, целомудрие) Плачущие (Мф.5,4) Навык избегать празднословия и двусмысленности, стремление доводить дела до конца, чтение только душеполезной литературы, анализ, а усладительное чтение светской литературы, скромность, служение больным и увечным, воспоминание о смертности и аде как наказания за грех	Простота (отсутствие двойственности, сложности, трезвение) Нищие духом (Мф.5,3) Воздержание от излишеств в пище, сне, информации (теле, радио, книги), разговорах, тщательное усердие ко всякому <u>доброму</u> делу. Любовь к посту и бдениям, воспоминание о милости Божьей и Царстве Божьем, награде за труды	Гипертимное расстройство личности (сверхактивность), <i>чревоугодие</i> (сластолюбие, неумеренность)

3.

Известно, что теоретические построения всегда представляются более стройными, схематичными, нежели то, с чем в реальности сталкивается индивидуальная духовно-психологическая коррекция (душепопечение).

Так, **коррекция страсти чревоугодия и стяжание воздержания** сводятся у свт. Игнатия, по сути, лишь к комментарию монашеского устава, роль которого (регуляция процесса разумного приема пищи, без пресыщения и изысков, участия в богослужении, общения с миром – нахождения в келлии, хранения себя от информации, праздных впечатлений и свободного обращения друг с другом, а также постоянной занятости общественно полезными делами (послушаниями) (Т.1,с.399)) сводится, в свою очередь, к насаждению христианской монашеской традиции в душу новоначального.

Особенный акцент св. Игнатий делает на убеждении новопоступившего инока в том, что главная его задача в данный период – понять, что его призвание – быть одному наедине с Богом – гораздо выше, нежели просто облачиться в монашескую одежду и внешним образом исправно выполнять устав. Здесь он использует мысль старца Серафима, утверждавшего, что само слово «монах значит уединенный: кто не уединился в самом себе, ... тот еще не монах, хотя бы и жил в уединеннейшем монастыре» (Т.1,с.206). Что же говорить о монахах в св. сани, живущих в городах и руководящих людьми? Стоит отметить, что, действительно, согласно Правилам Константинопольского собора (879) служение священно-церковнослужения и монашества являются взаимно несовместимыми: «ибо обеты монашествующих содержат в себе долг повиновения и ученичества, а не учительства, или начальствования: они обещаются не иных пасти, но пасомыми быти» (п.2).

4.

Основной задачей **коррекции страсти любодееяния, блуда (блуждания, мировоззренческой неустойчивости) и стяжания целомудрия (послушания)** свт. Игнатий признает формирование у еще неопытных «овец Христовых» навыка «ознакомления... с голосом Христа», чтобы, как только они Его услышат – сразу узнали бы и последовали Ему, а не уклонялись бы в сторону «плотского мудрования». Ведь «Падение праотцев наших, - пишет святитель, - началось с внимания праматери к чуждому гласу» (Т.1, с.95).

Реализация данной задачи происходит благодаря рекомендации святителя замечать Голос Христа в Его Евангелии, а образ Его – в собственных свойствах подвижающегося, возникающих в нем при действенном исполнении Христовых заповедей (Т.1, с.104-105,109,130).

При этом Святитель предупреждает, что мечта увидеть откровение прежде очищения души от плотских страстей чревата для подвижника самообольщением и общением с реальной демонической духовностью (Т.1, с.105-106, Т.5,с.64-65).

Исцелению способствует частое исповедание помыслов (Т.1. с.161,171-172,279; Т.5,с.17-19), удаление от любых светских книг и зрелищ (Т.1,с.396-397).

Лечением блуждания ума становится и недвоядушная молитва (Т.1,с.142), результатом которой становится смирение человека с волей Божьей. Правда, следует констатировать, что на данном этапе двоядушие никуда еще не девается из-за незнания новоначальным самой воли Божьей (Т.1.с.142), зато предание себя в послушание Церкви приводит к реальному уклонению подвижника от недолжных дел (Т.1.с.150).

«Вверх себя Господу, - советует свт. Игнатий, – а не себе: это гораздо надежнее... Приготовление для даров Его очищением себя: *это* твое дело» (Т.1, с.107).

Стоит усвоить себе мысли Отцов (Т.1. с.112, Т.5,с.18) «из-за оскудения духоносных наставников» (Т.1, с.229), ведь недуги души различны, а у подвижников есть различные средства для их исцеления, – свт. Игнатий фактически делает вывод, что в каждом индивидуальном случае духовно-психологической коррекции необходима своеобразная духовная психодиагностика (Т.1,с.113).

Потому желательно читать тех Отцов, которые близки твоему образу жизни (чтобы развивать свой талант, как говорится и у старца Серафима Саровского) – другие советы будут решительно вредны!!! (Т.1,с.114).

Сам Игнатий, при этом, считает самым высоким и правильным видом христианского жития монашество, пытаясь найти универсальные черты подвига, позволяющие и мирянам подражать монашеству. Но на деле получается иначе. Так, Святитель не знает, как решать вопрос с мировоззренческим блужданием ребенка или другого члена семьи. Для себя-то он сделал вывод, что «новоначального, предавшегося скитанию, надо признавать неспособным к иноческой жизни, и благовременно извергать из монастыря» (Т.5,с.22). Члена же семьи так просто выгнать не представляется ни благочестивым, ни богоугодным, ни возможным... Невозможно и наложить монашеские пищевые запреты на семью, поскольку, например, подвиг семейного патриарха – Авраама – как раз и состоял в странноприимстве, что заповедано христианам и апостольским собором (Гал.2,10; Рим.12,13; 3Ин.1,8; Ин.13,20; Евр.13,2). Потому свт. Игнатий в конце своей жизни (в «Приношении современному монашеству») окончательно признает, что «монах подлежит совсем другим законам, нежели мирской человек». Монах – драгоценный оранжерейный цветок, но немогущий в отношении к реалиям мира; полевой цветок, мирянин, намного менее изыскан, зато и «не нуждается ни в каком уходе и присмотре», и порой успешнее переносит «воздушные перемены», или страстные искушения (Т.5,с.27).

И, главное, на что акцентирует внимание Святитель, не забывать: «Без исполнения заповедей Господних святых, священных и светоносных, предания и правила наши суетны...» (Т.1,с.447). «Истинное христианство и истинное монашество заключается в исполнении евангельских заповедей.

Где нет этого исполнения, там нет ни христианства, ни монашества, какова бы ни была наружность» (Т.5,с.39).

5.

Коррекция душевного уровня, т.е. социальных потребностей человека, колеблющихся между **верой (нестяжанием ничего в этом мире) и паранойей (сребролюбием-любостяжанием – комфортным устройством здесь-и-сейчас)** начинается, согласно свт. Игнатию, с той предпосылки, что все, чем занимался до этого новоначальный представляет собой лишь «приведение своего наружного поведения в порядок», подготовка себя к тому, чтобы в нас, как в залатанный сосуд без трещин можно было «влагать драгоценное миро... с уверенностью, что миро сохранится в целостности». Душевное делание, напротив, «никак не может удержаться в иноке, расстроеном по наружному поведению» (Т.5,с.24).

Однако «как душой оживляется тело, так богоугодным душевным деланием оживляется благоговейное наружное поведение. Без души тело мертво; оставленное ею, оно начинает... издавать из себя смрад: так и наружное благоговейное поведение, без благочестивого направления и упражнения души, сперва оказывается чуждым духовного плода, потом заражается тщеславием, лицемерством, человекоугодием и другими пагубнейшими, трудно замечаемыми и постигаемыми душевными страстями». Они «очень быстро растут и крепнут под покровом наружного благоговения, когда оно не одушевлено истинным благочестием. Человек, любясь наружным благоговением своим, неприметно переходит от благоговения к притворству» (Т.5,с.29-30).

В действительности же первое, что встречает человека в душевном делании – это открытие в себе факта, что не все, о чем мы думаем, есть мы сами. Человек обнаруживает в себе т. наз. состояние прелести, т.е. «ложные» мысли, овладевающие человеком – сверхценные или бредовые идеи (Т.1, с.230-231), замешанные на самомнении и превозношении себя перед другими (Т.1,с.234) и оказывающие влияние на текущее состояние сердца (Т.1,с.316).

Такие ложные мысли, или «верования», тайно «гнездящиеся в сердце человеческого», выявляются через поступки человека, которые противоречат официально исповедуемой вере подвижника-христианина (Т.1,с.502). В этом заключается его реальная, на данный момент, как бы «психотеология».

Результаты согласия с прелестью (являющейся, по уверению новоначального свт. Игнатием, плодом влияния на подвижника падших духов) и развития состояния прелести – сумасшествие предавшихся ему или несчастные случаи с прельщенными вплоть до самоубийства (Т.1,с.234).

Напротив того – излечение от прелести заключается в конкретных действиях под руководством Евангелия по укрошению страстей (Т.1,с.232), «пленение разума в послушание Христово» (Т.1,с.250), вера Богу. «Исполнение заповедей в обществе человеческом доставляет исполнителю опытное, самое ясное и самое подробное познание падшего естества

человеческого и падших духов, с которыми посредством падения человечество вступило в общение и в один разряд существ отверженных, враждебных Богу, обреченных на погребение в темницах ада» (Т.5,с.43).

В данном контексте, когда новоначальный, только восшедший на душевный уровень, всеми силами души пытается устроиться в этой новой реальности и закрыться от душевной работы внешней исправностью жития, святитель Игнатий считает целесообразным подстегнуть его религиозный интерес предложением размышления о суетности всего, что человек имеет, перед лицом смерти (Т.1, с.89,91).

Залогом вечного блаженства или вечного бедствия души, - внушает Святитель, - являются стяжаемые ею качества в деятельности, как отражение в зеркале реальных предметов (Т.1, с.89). Поэтому лучше свое имущество или власть использовать с пользой – для милостыни (Т.1, с.91) и блага человечества (Т.1, с.92).

Рекомендуется «Святая ненависть» к близким, выражаемая в твердом несоизволении их воле, если она не соответствует Евангелию – а соответственно, ею пользуются духи отверженные. При этом стоит проявлять не раздражение, а великодушие, терпение оскорблений от братьев, «увлекаемых демонами» (Т.1, с.92,125; Т.5,с.47).

Стоит учиться никого не осуждать, поскольку даже эти люди – игрушки страстей – все же являются членами Тела Христова, а от Тела Христа члены отсекает может только Сам Бог. Нужно беречься восхищать Его сан и власть (Т.1,с.338-339).

В этот период возможно достижение чувства «омерзения» к любви плотской ради любви духовной (Т.1, с.126) посредством предания предметов этой любви Богу: ведь зачем мне о них беспокоиться, если они – Божьи, а я сегодня есть, а завтра нет меня (Т.1, с.126-127)? – пишет свт. Игнатий. Люди – как листья на дереве, обновляющем регулярно свою листву. Появились они – и исчезли в свое время (Т.1, с.185).

Стоит также в целях уклонения от плотского миролюбия воспринимать жизнь как гостиницу, из которой странник идет в свое небесное отечество. Стоит ли в ней заниматься делами отдыхающих или работающих в гостинице, а не размышлением о трудностях предстоящего пути? Следует поблагодарить принимающего хозяина – но потом забыть о гостинице, «помнить о ней поверхностно, потому что хладно было к ней сердце его» (Т.1, с.93-94)

б.

Коррекция печали (психастении, душевной слабости от неудач в начинаниях по комфортному устройству здесь-и-сейчас) и стяжание кротости и надежды, у свт. Игнатия называемой блаженным плачем странника, оказывается тесно связанной с решением одной проблемы.

По мысли свт. Игнатия, «весьма многие, желающие проводить благочестивую жизнь, приходят в совершеннейшее недоумение, когда в них

(внезапно – Н.Л.) восстанут помыслы и ощущения плотского вожделения. Они смотрят на это как на что-то странное, ... чему не должно быть, приходят от этого в душевное расслабление и расстройство, часто решаются оставить богоугодную жизнь, признавая себя неспособными к ней. Самое ошибочное воззрение на себя! Наше естество – в состоянии падения.... Плотские вожделения ему свойственны, и не могут не возникнуть из него... Это – естественная необходимость. Ей подчинен каждый человек; подчинены были ей все святые человеки» (Т.1,с.345; см. Т.5,с.54).

Более того: эта проблема настолько естественна, что ап. Павел вообще советует «разжизающимся» христианам решать вопрос такого исцеления в законном браке, ведь речь идет, в конце концов, не столько о состоянии грехопадения, сколько о заповеданном от Бога предназначении человека к размножению (1Кор.7,1-9).

Более важным является вопрос: по какой причине подвиги человека, уклонение его от комфортного местопребывания в мире никак не компенсируется проявлениями духовного мира, благодатью (где она?) – а только лишь сопровождаются реальностью мира сего, вроде бы греховного, падшего и ненастоящего?

Свт. Игнатий советует стяжать терпение. Как «скудельник знает, сколько времени должно держать в огне глиняные сосуды, которые, будучи передержаны, негодны к употреблению: тем более знает Бог, какой силы и степени нужен огонь искушений для словесных сосудов Божьих – христиан, чтобы они соделались способными к наследованию царства небесного» (Т.1,с.351).

В диалоге «О прелести» свт. Игнатий от имени Старца так убеждает нетерпеливого новоначального: «Научаемые Священным Писанием и писаниями святых Отцов, мы веруем и исповедуем, что *Божественная благодать действует как прежде, так и ныне в Православной Церкви, несмотря на то, что обретает мало сосудов, достойных ее. Она осеняет тех подвижников Божьих, которых ей благоугодно осенить. Утверждающие, что ныне невозможно христианину сделаться причастником Святого Духа, противоречат Священному Писанию, и причиняют душам своим величайший вред*, как об этом прекрасно рассуждает преподобный Макарий Великий. Они, не предполагая в христианстве никакой особенно высокой цели, не ведая о ней, не стараются, даже несколько не помышляют о достижении ее: довольствуясь наружным исполнением некоторых добродетелей, лишают сами себя христианского совершенства» (Т.1,с.280-281).

На данном этапе новоначальный посвящается в тайну покаянного плача, который в какой-то мере уже дает различие духов (Т.1, с.160,213).

Так, неразвлекаемое внимание и умиление со слезами (Т.1,с.198) признаются Святителем в качестве «первоначального дара благодати» (Т.1,с.146,292), как признак принимаемого Богом покаяния (правда, не как личного присутствия Духа Святого, выражаемого в пророчестве, чудотворении – это состояние признается еще более высшим (Т.1,с.198), но

как Божественной энергии). «Признавая и себя, и тебя – пишет свт. Игнатий – новоначальными в духовном подвиге, имею преимущественно в виду, при изложении правильных понятий об упражнении молитвой Иисусовой, потребность новоначальных, потребность большинства» (Т.1,с.293).

«Молитва покаяния дана всем без исключения, дана и обладаемым страстями, и подвергающимся насильственно падениям. Они имеют все право вопить ко Господу о спасении; но **вход в сердце для молитвенного священнодействия возбранен для них: он предоставлен исключительно архиерею таинственному, хиротонисанному законно Божественною благодатию. Поймите, поймите, что единственно перстом Божиим отверзается этот вход: отверзается он тогда, когда человек не только престанет от деятельного греха, но и получит от десницы Божьей силу противиться страстным помыслам, не увлекаться и не услаждаться ими.** Мало-помалу зиждется сердечная чистота: чистоте *постепенно и духовно* является Бог» (Т.1,с.18).

Являемая в плаче благодать преподает: кротость, тихость, спокойствие (отсутствие тревоги) (Т.III-IV,с.38), смирение (восприятие себя должником Богу и людям), ненависть к миру и укрощение страстей, в т.ч. сластолюбия. Демон же в помыслах узнается (Т.1,с.294) по появляющейся в душе надменности, высокоумию, страхованию (смущению, тревоге), проявлениям гнева, тоски или плотского разврата, желанию откровения без избавления от страстей (Т.1,с.244), признанию за собой перед другими достоинств и заслуг (Т.1,с.249), надеждой на свои силы и возможности, а не на промысел Божий (Т.1,с.253). «По действию можешь познать свет, воссиявший в душе твоей: Божий ли он, или от сатаны» (Т.1,с.237).

Слезы послушания-покаяния признаются свт. Игнатием «признаком особого благоугождения и благоволения Божия», а также критерием того, какое дело является предназначением человека (он способен плакать, делая это) (Т.1,с.203). Там – созерцание «в глубине сердца» смерти души, ада и демонов через всеваемые ими страстные помыслы (Т.5,с.48), а также внезапные, произвольные инсайты, признаваемые Святителем в качестве пророческого дара – духовные размышления о казалось бы самых обычных вещах (той же «книге природы»), но по-новому – «таинственные видения» (Т.1,с.360-361). Эти видения прикуют к себе взор и охладят внимание ко всему тленному (Т.1,с.157,162-163). Без такого «страха Божья», чувства самоосуждения получение других даров невозможно (Т.1, с.233) – пишет свт. Игнатий.

Отсюда – всежизненная полемика Святителя с западной христианской аскезой: она признается им находящейся в самообольщении (Т.5,с.69), поскольку не культивирует покаяние (Т.1,с.131-132), дающее известное свт. Игнатию по опыту различение духов, и задействует чувственное видение – воображение (Т.1,с.147-148;234-235).

В противовес Святитель предлагает православный аналог воображению (представлению) – воспоминание Евангельских событий при чтении Св. Писания и ощущение присутствия Божья перед иконами (Т.1,с.148,295), а

также в Иисусовой молитве.

Он убеждает новоначального отвечать тем, кто отговаривает его от Иисусовой молитвы из-за опасения прелести, словами Апостолов: если это установление Божие, то что может значить учение человеческое? (Т.1,с.217). Признавая «страшную скудость... в наставниках истинной молитвы», Святитель предлагает выбрать плач как надежное лекарство от самообольщения (Т.1,с.165,224).

Стоит, правда, заметить, что сами по себе представления и сердечные ощущения (Т.1,с.165), упоминаемые свт. Игнатием, также есть проявление воображения, хотя и произвольного. Ведь «представить» себе можно только образ, ассоциацию (а это значит, что и в «без-образной» молитве с «представлениями» и «сердечными ощущениями» реализуется все же механизм во-ображения, который Святитель осуждает в западно-христианской аскезе).

Стоит также отметить, что опыт свт. Игнатия, являющийся весьма полезным в плане психокоррекции, все же не может считаться универсальным для всей христианской традиции. Его утверждение, что тот, кто радуется, а не плачет на молитве, обязательно находится в самообольщении (Т.1,с.164), противоречит некоторым библейским свидетельствам и сообщениям из Патериков, согласно которым Бог одинаково принимал покаяние как плачущих, так и благодарящих Его. Это же касается и опыта часто упоминаемого свт. Игнатием преп. Серафима Саровского (Т.1,с.206), который радовался приходящим к нему, а не занимался только покаянием и заочной молитвой об окружающих.

Кроме того, совет отвергать в молитве свои попечения (Т.1,с.143-144,151), т.к. это «возбуждает против себя негодование Небесного Царя» (Т.1, с.151), как «многоглаголанье язычников» (Т.1,с.152), препятствует достижению в молитве недвоядушия, о котором говорит ап. Иаков (Ик.1,6-8). Как научиться доверять Богу, если не стяжать навык делиться с Отцом Небесным своими проблемами и предавать их на Его попечение и решение?

Кроме того, в Евангелии речь идет о демонстративной прилюдной «многословной» молитве язычников, а не об отвержении всех своих попечений в молитве. Совет Святителя подходит лишь тем, кто кроме молитвы никакими добрыми делами более не занят. Потому Свт. Игнатий предлагает воспринимать монастырские послушания как замену выполнения заповедей (Т.1,с.225). Понятно, что данные советы подходят мирянам весьма выборочно: возможно, только детям и подчиненным домочадцам, находящимся в ранге послушников; т.к. начальствующим в семье, согласно уставам Господним, положено исполнение заповедей и жертвенная десятина, без которой («с пустыми руками» (Втор.16,16)) никто не может подходить к жертвеннику и считаться принадлежащим к «царственному священству» (Исх.19,6; 1Петр.2,9). Свт. Игнатий же относится к подвигу мирянина как одинокого человека, без учета его семейных обязанностей, как видно из его «Чина внимания себе для живущего посреди мира» (Т.1,с.298-301).

Хотя Святитель считает молитву бесконечно превосходящей все подвиги (Т.1,с.210), это касается только монашества (назорейства), поскольку всем христианам Христос дает другое наставление: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели **ваши добрые дела** и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф.5,16). Получается, что молитва – это все-таки более средство, нежели цель богоугодной жизни, как утверждает и ап. Павел, заповедуя *«всегда радоваться, непрестанно молиться и за все благодарить»* (1Сол.5,16-16) не неким монахам-отшельникам, а современным ему христианам, жившим в миру.

7.

Коррекция душевного уровня продолжается в области личностно-ориентированных потребностей человека, колеблющихся между служением Богу и ближнему в трезвении – и эпилептоидностью, т.е. гневом по отношению к тем, кто препятствует подвижнику на пути к достижению такой высокой цели.

Весьма ценны советы свт. Игнатия заставлять себя самоотверженно молиться о врагах, «согрешающих в неведении и по увлечению; (ведь) козни демонов разрушит (Сам) Бог» (Т.1,с.159). Чуть позже он и вовсе будет призывать благословлять и врагов, и демонов как орудия Божии (Т.1,с.160), посланные Богом для нашего врачевания (Т.1,с.178,185).

«Воздавай почтение ближнему как образу Божию, - увещает Святитель, - не различая возраста, пола, сословия, - и постепенно начнет являться в сердце твоём святая любовь... Лишенные славы христианства не лишены другой славы, полученной при создании: они – образ Божий... И слепому, и прокаженному, и поврежденному рассудком, грудному младенцу, и уголовному преступнику, *и язычнику* окажи почтение, как образу Божию. Что тебе до их немощей и недостатков! Наблюдай за собою, чтоб тебе не иметь недостатка в любви... *Но если ты думаешь, что любишь Бога, а в сердце твоём живет неприятное расположение хотя к одному человеку: то ты – в горестном самообольщении»* (Т.1, с.127-128).

Парадоксально, но при таком возвышенном теоретическом учении, в противовес вышесказанному, сам свт. Игнатий весьма жестко судит этих самых ближних, которых, вроде бы, даже в их язычестве он призывал почтить как «образ Божий». С точки зрения догматического богословия он вполне логично их называет слепцами, дающими «важную цену т.н... добрым делам естества падшего», имеющим «свою похвалу» перед людьми, но не перед Богом. «Неправильность и немощь своего суда эти судьи переносят на суд Божий. Когда бы добрые дела по чувствам сердечным доставляли спасение, то пришествие Христово было бы излишним...» (Т.1,с.502). «Дела мнимо-добрые... растят в человеке его я...; дела веры умерщвляют самость в человеке..., возвеличивают в нем Христа» (Т.1,с.503).

Все это верно. Но насколько в этих рассуждениях выявляется уже действующий в Святителе Христос, а не самость подвижника, создавшего

себе и не преодолевшего, судя по всему, психологическую защиту (идола) в виде догматизации и защиты перед избранными им себе оппонентами предлагаемого им аскетического метода как *единственно верного*?

У свт. Игнатия, знатока св. Отцов, выпали из внимания следующие предупреждения подвижников. Так, свтт. Григорий Нисский и Дионисий Ареопагит полагали, что догматические представления, полезные новонаначальному для неуклонения в неправоверие, на этапе познания Живого Бога могут оказаться препятствием познанию Бога таким, каков Он есть⁵.

Согласно предупреждению преп. Исаака Сирина, стоит «на всех изливать милость, и от всех быть униженным»: «Храни себя от многоглаголания, ибо оно угашает в сердце мысленные движения, бывающие от Бога. **Как мечущегося на всех льва избегай рассуждений о догматах: не сходишь для этого ни с питомцами Церкви, ни с чужими. Не проходи и стогнами гневливых и сварливых, чтобы сердце твое не исполнилось раздражительности, и душою твоею не возобладала тьма прелести. Не живи вместе с горделивым, да не будет действительность Святого Духа отъята от души твоей, и да не соделается она жилищем всякой лукавой страсти**»⁶.

Не этой ли проблемой обусловлена настойчивая борьба свт. Игнатия с wybranными им себе противниками (антиисихастами, западно-христианской аскезой) до конца жизни – с сопутствующими ей побеждениями, уныниями и печальями? Соответствует ли милостивому служению и трезвению название Святителем тех, кто с ним не соглашается, «лицемерами» (Т.1,с.219), «еретиками» (Т.1,с.222), «старцами, находящимися в прелести» (Т.1,с.223), «слепцами», которых прославляют другие «слепцы» (Т.1,с.220) и т.д.?

8.

Тем не менее, указанная особенность никак не сказывается на успешности коррекции **душевного уровня в области личностно-ориентированных потребностей человека**, колеблющихся между **смирением** перед Богом – и **унынием (дистимностью)**, предлагаемой свт. Игнатием.

Отчаяние Святитель определяет как «обличитель... неверия и самости: верующий в себя и уповающий на себя не восстанет из греха покаянием» (Т.1,с.506).

Хотя у самого свт. Игнатия уныния и печали были довольно частым явлением, его техники преодоления уныния можно признать весьма действенными.

«Признаем, - советует он, - благовременно всякую скорбь, какая бы ни встретилась с нами, праведным воздаянием за грехи наши и справедливым наказанием за них. При таком настроении прошение прощения при всяком представившемся случае будет действием правильным, логичным» - без словооправдания (Т.1,с.313).

⁵ См.: Лосский В.Н. Боговидение. М. 2003, с.133, 137, 139; Антоний, митр. Сурожский. Школа молитвы. «Христианская жизнь». Клин. 2004, с.105-106.

⁶ Преподобного аввы Исаака Сирина Слова подвижнические. М. 1998, с.48.

«Часто случается, что тайный и тяжкий грех наш остается неизвестным для человека, остается без наказания, будучи прикрыт милосердием Божиим; в это же время, или по истечении некоторого времени, принуждены бываем пострадать сколько-нибудь, вследствие клеветы или придиричивости, как бы напрасно и невинно. Совесть наша говорит нам, что мы страдаем за тайный грех наш! Милосердие Божье, покрывшее этот грех, дает нам средство увенчаться венцом невинных страдальцев за претерпение клеветы, и вместе очиститься наказанием от тайного греха. Рассматривая это, прославим всесвятый Промысл Божий, и смиримся перед ним» (Т.1,с.325). **В этом, как уверяет Святитель, уже есть залог Откровения – видения Бога в Его Промысле (Т.1, с.386-388).**

«Самоукорение имеет, при начале упражнения в нем, характер бессознательного механизма, т.е. произносится языком без особенного сочувствия сердечного, даже в противность сердечному чувству; потом, мало-помалу сердце начнет привлекаться к сочувствию словам самоукорения; наконец самоукорение будет произноситься от всей души, при обильном ощущении плача. Умалит перед нами и закроет от нас недостатки и согрешения ближних, примирит ко всем человекам и обстоятельствам, соберет рассеянные по всему миру помыслы в делание покаяния. Доставит внимательную, исполненную умиления молитву, воодушевит и вооружит непреодолимой силой терпения» (Т.1,с.321).

«Чудное дело! Начиная укорять себя машинально, насильно, мы достигаем, наконец, столько убеждающего нас и действующего в нас самоукорения, что при помощи его переносим не только обыкновенные скорби, но и величайшие бедствия. Искушения уже не имеют такой силы над тем, кто преуспевает, но. По мере преуспевания, они становятся легче, хотя бы сами по себе были тяжелы. По мере преуспевания крепнет душа, и получает силу терпеливо переносить случающееся» (Т.1,с.324).

К тому же, история трех Отроков в печи вавилонской научает тому, что любви к ближним свойственно ощущение органического единства между членами Нового Израиля – Церкви, в том числе и в «согрешениях ближних», и в стремлении положить за них жизнь свою (Т.1,с.326).

Правда, при внутренней пользе смирения смиреннословие напоказ признается Святителем полезным не всегда – поскольку может привести к тому, что окружающие внезапно согласятся с тем, что раз ты говорил о себе как о блуднике и мерзавце, то ты таков и есть (тогда произойдет огорчение и негодование с твоей стороны) (Т.1,с.315).

9.

Но если огорчение и негодование все же признавалось Святителем возможной формой реакции, понятно, почему **коррекция духовного уровня** у него ограничилась, по сути, критикой тщеславного «Душепагубного актерства и печальнейшей комедии» лжестарцев (Т.1, с.72-73,77) и иллюстрацией бедственного состояния людей, впавших в прелесть и

гордостное шизоидное расстройство с самыми печальными исходами для подвижников, прельщенными бесовской духовностью (Т.5, с.56-66).

В качестве доказательства присутствия в себе благодати свт. Игнатий приводит случаи, когда у него, подобно старцу из Отчника, произошло утешение и упоенность сердечным миром вплоть до «изнеможения всех членов» (Т.1,с.279) в случаях полного возложения надежды на Бога в трудных ситуациях:

«Однажды, – пишет он, – я был подвергнут наказанию и бесчестию. Когда меня подвергли ему, внезапно ощутил я жар во всем теле моем и при нем какую-то необъяснимую словами мертвость, после чего вдруг запыхало из сердца желание получить всенародное посрамление и заушение от палача на площади за грехи мои. При этом выступил румянец на лице; несказанная радость и сладость объяли всего; от них я пребывал в течение двух недель в восторге, как бы вне себя. Тогда я понял с ясностью и точностью, что святое смирение в мучениках, в соединении с Божественной любовью, не могло насытиться никакими казнями. Мученики принимали лютые казни, как дары, как прохладное питье, утолявшее возгоревшуюся в них жажду смирения» (Т.1,с.317-318).

С другой стороны, прямое обетование Христа о том, что «чистые сердцем Бога узрят» (Мф.5,8) и что «помазанный Богом» становится «тайнственным архиереем» и зрителем духовных явлений (т.е. пророком)⁷ не стало достоянием опыта свт. Игнатия.

⁷ «Совершенные христиане, сподобившиеся войти в меру совершенства и сделаться приближенными Царю, всегда посвящают себя в дар кресту Христову. Как при Пророках, всего достоестнее было помазание, потому что помазуемы были Цари и Пророки, так и ныне люди духовные, помазуемые небесным помазанием, делают христианам по благодати, чтобы им быть царями и пророками небесных тайн. Они суть и сыны, и господа, и боги, связуемые, отводимые в плен, низвергаемые, распинаемые, посвящаемые в дар. Если помазание елеем, какой получаем от земного растения, от видимого дерева, имело такую силу, что помазанные беспрекословно получали сан (ибо всеми признавалось, что они поставлены в цари, и поставленный Давид тотчас подвергся гонениям и скорбям, а через семь лет стал царем), то кольми паче те, у которых ум и внутренний человек помазуются освящающим и радостнотворным, небесным и духовным елеем радования, приемлют печать одного нетленного царствия и вечной силы, залог Духа, – Самого Духа Святого и Утешителя (разумей же, что Утешитель и утешает, и исполняет радости сущих в скорбях)» (Макарий В. Высшая степень совершенства христиан. Добротолюбие. Т. 1, с.264).

«Если же увидишь, что кто-нибудь превозносится и надмевается тем, что он причастник благодати, то хотя бы и знаменья творил он, и мертвых воскрешал, но если не признает души своей бесчестною и униженною, и себя нищим по духу и мерзким, скрадывается он злобою, и сам не знает того. Если и знаменья творит он, — не должно ему верить; потому что *признак христианства — и тому, кто благоискусен пред Богом, стараться таить сие от людей, и если имеет у себя все сокровища царя, скрывать их и говорить всегда: „не мое это сокровище, другой положил его у меня; а я — нищий; когда положивший захочет, возьмет у меня“*. Если же кто говорит: „богат я, довольно с меня и того, что приобрел; больше не нужно“, — то таковой не христианин, а сосуд прелести и дьявола» (Макарий В. Состояние принявших действительность Духа. Там же, с.232).

«Сподобившиеся стать чадами Божьими и родиться свыше от Духа Святого, имея в себе просвещающего и упокоивающего их Христа, многообразными и различными способами бывают путеводимы Духом, и благодать невидимо действует в их сердце при духовном упокоении... Иногда бывают они обвеселены, как бы на царской вечери, и радуются радостью и весельем неизглаголанном. В иной час бывает, как невеста, Божественным покоем упокоиваемая в сообществе с женихом своим. Иногда же, как бесплотные Ангелы, находясь еще в теле, чувствуют в себе такую же легкость и окрыленность. Иногда же бывают как бы в упоении питьем, возвешаемые и упоиваемые Духом, в упоении Божественными духовными тайнами... Но иногда как бы плачут и сетуют о роде человеческом, и молясь за целого Адама, проливают слезы и плачут, воспаляемые духовною любовью к человечеству. Иногда такую радостью и любовью разжигает их Дух, что, если бы можно было, вместили бы всякого человека в сердце своем, не отличая злого от доброго. Иногда в смиренномудрии духа столько унижают себя пред всяким человеком, что почитают себя самыми последними и меньшими из всех. Иногда Дух постоянно содержит их в неизглаголанной радости. Иногда уподобляются сильному воителю, который, облекшись в царское всеоружие, выходит на брань со врагами и крепко подвигается, чтобы победить их. Ибо подобно сему и духовный облекается в небесные оружия Духа, наступает на врагов и ведет с ними брань, чтобы покорить их под ноги свои.

Иногда душа упокоивается в некоем великом безмолвии, тишине и мире, пребывая в одном духовном удовольствии, в неизреченном упокоении и благоденствии. Иногда умудряется благодатью в уразумении чего-либо, в неизреченной мудрости, в ведении неиспытанного Духа, чего невозможно изглаголатъ языком и устами. Иногда человек делается, как один из обыкновенных. Так разнообразно действует в людях благодать, и многими способами путеводствует душу, упокоивая ее по воле Божьей, и различно упражняет ее, чтобы совершенной, неукоризненной и чистой предстать небесному Отцу.

Сии же перечисленные нами действия Духа достигают большей меры в близких к совершенству. Ибо исчисленные разнообразные упокоения благодати различно выражаются словом и в людях совершаются непрерывно, так что одно действие следует за другим. *Когда душа взойдет к совершенству Духа, совершенно очистившись от всех страстей, и в неизреченном общении пришедши в единение и срастворение с Духом Утешителем, и срастворяемая Духом, сама сподобится стать духом; тогда делается*

Он сам признается, что «Высшего счастья - ... слышать истину от самого Пресвятого Духа я не достоин! Я не способен к нему!... А потому всеблагий Господь мой, щадя немощь мою, ... и не представляет мне в снедь сильного духовного брашна» (Т.1, с.121).

Потому он и забывает свой же призыв о том, чтобы не *причинять душе своей величайший вред, противореча Писанию и утверждая, что ныне невозможно христианину сделаться причастником Святого Духа.*

«Замолкли живые органы Св. Духа – возглашает свт. Игнатий – проповедует истину – изреченное Св. Духом Писание» (Т.1,с.122,407-408).

Потому он так и спорит ожесточенно со своими противниками, что иного опыта так и не познал. Не пережив голоса Духа Святого, он сделал вывод, что слышать голос – «самообольщение».

Самообольщены все те, - утверждает он – кто не боится слушать Господа. Лучше последовать сынам Израиля, которые при Синае отказались непосредственно слушать Господа и предложили это делать Моисею, чтобы потом слушать пророка. В этом – смирение «истинного христианина» (Т.1,с.121).

Поскольку в состоянии одиночества (депривации) возможно появление иллюзий и галлюцинаций, связанных с якобы ангельским пением, прорицаниями, видением родственников и блуждающих душ (Т.3-4,с.48,51), Святитель предлагает «одно средство спасения от духов...: чтоб решительно отказываться от видения их и от общения с ними, признавая себя к таким видению и общению неспособными» (Т.III-IV,с.46).

А как же апостолы, пророки? А как же их призыв к стяжанию Духа Святого? (Рим.8,9; Деян.2,17-18; Эф.5,18).

В чем здесь позиция свт. Игнатия принципиально отличается от фарисейской: «Мы Моисеевы ученики. Мы знаем, что с Моисеем говорил Бог; Сего же (Иисуса – Н.Л.) не знаем, откуда есть...» (Ин.9,28-29)? Не оценили ли фарисеи опыт Того, Кто свидетельствовал им о Своем знании

она вся светом, вся оком, вся духом, вся радостью, вся упокоением, вся радованием, вся любовью, вся милосердием, вся благостью и добротою» (Там же, с.256-257).

«Сверх того, иным во свете являлось знамение креста и пригвождалось во внутреннем человеке. Иногда также человек во время молитвы приходил как бы в исступление; казалось, что стоит он в церкви пред жертвенником, и предложены ему три хлеба, как бы вскинувшие с елеем, и в какой мере вкушал их, в такой хлебы возрастали и поднимались. Иногда также являлось как бы светоносное некое одеяние, какого нет на земле в веке сем, и какого не могут приготовить руки человеческие. Ибо как Господь, с Иоанном и Петром вошедши на гору, преобразил ризы Свои и соделал их молниевидными, так бывало и с оным одеянием, и облаченный в оное человек удивлялся и изумевал. В иное же время свет сей, являсь в сердце, отверзал внутреннейший, глубочайший и сокровенный свет, почему человек, всецело поглощенный оною сладостью и оным созерцанием, не владел уже собою, но был для мира сего как бы буим и варваром, по причине преизобилующей любви и сладости и по причине сокровенных тайн, так что человек, получив в это время свободу, достигает совершенной меры, бывает чистым и свободным от греха. Но после сего благодать умалаялась, и нисходило покрывало супротивной силы; благодать же бывала видима как бы отчасти, и на какой-то низшей степени совершенства» (Там же, с.258-259).

«На деле же бывает так: подобно сгущенному воздуху, какая-то как бы примрачная сила лежит на человеке и слегка прикрывает его. Светильник непрестанно горит и светит; однако же как бы покрывало лежит на свете; и посему человек признается, что он еще несовершенен и не вовсе свободен от греха; почему, можно сказать, что средостение ограды уже разорено и сокрушено, и опять в ином чем-нибудь разорено не вовсе и не навсегда. Ибо бывает время, когда благодать сильнее воспламеняет, утешает и упокоевает человека; и бывает время, когда она умалается и меркнет, как сама она домостроительствует сие на пользу человеку. Кто же, хотя на время, приходил в совершенную меру, вкушал и опытно изведывал оный век? Доныне не знаю ни одного человека-христианина совершенного или свободного. Напротив того, если и упокоевается кто в благодати, доходит до тайн и до откровений, до ощущения великой благодатной сладости; то и грех сопревывает еще внутри его. Такие люди, по преизобилию в них благодати и света, почитают себя свободными и совершенными; но погрешают в сем, по неопытности вводимые в обман тем самым, что действует в них благодать. А я доныне не видал ни одного свободного человека, и, поелику в иные времена сам отчасти доходил до оной меры, то доведаясь и знаю, почему нет совершенного человека» (Там же, с.259-260).

Бога (Ин.8,55) посредством слышания Его голоса (Ин.8,47), как одержимость «силою веельзевула, князя бесовского» (Ин.8,48; Лк.11,15; Мф.12,24)?

Разве похвала благоговейному фарисею от Христа за исполнение всех заповедей и констатация факта, что «недалеко (он) от Царствия Божия» (Мк.12,34) уже тождественна наличию «духовных даров», личной благодати Пятидесятницы в апостолах и пророках Нового Завета, где Дух может жить (Рим.8,9), повелевать, разрешать (Деян.10,19-20) и запрещать (Деян.16,6)?

А ведь такого опыта нет и у свт. Игнатия. Его утешения – описание «благодатного расслабления членов» – пока еще душевного (личностно-ориентированного) уровня, от ощущения своей полной покорности Божьему Промыслу (а значит, добросовестного исполнения Божественных заповедей). Это, как признавал сам Святитель, можно расценивать как «первоначальный дар благодати» – Божественную энергию (Т.1,с.146,292), но не как Личное присутствие Духа Святого (Т.1,с.198), что, собственно, соответствовало бы «духовно-ориентированной» области аскетического опыта.

Подведем итог мыслью самого свт. Игнатия (Брянчанинова): «Признак вкравшегося «мнения» вынаруживается в подвижниках тем, когда они думают о себе, что проводят внимательную жизнь,... презирают других, говорят худо о них, поставляют себя достойными, по мнению своему, быть пастырями овец и руководителями их, уподобляясь слепцу, берущемуся указывать путь другим слепцам» (Т.1,с.258). Если сам Святитель Бога не видел и не слышал (т.е. не имел личного Откровения), то его всежизненная полемика по этому поводу может соответствовать этим же критериям.

Выводы:

1. Практические (психотерапевтические) опыты свт. Игнатия дают определенную пищу для размышлений, ведь его можно признать не просто гениальным компилятором опыта Св. Отцов, которые признаются им единственными «духоносными психологами» Церкви – носителями христианской духовности (личностной благодати Св. Духа), но и деятельным практиком-подвижником.
2. В творениях свт. Игнатия присутствуют советы, рекомендации, техники, которые могли бы с успехом вписаться в русло современной когнитивно-поведенческой, рациональной, экзистенциальной, психодинамической и даже гештальт-терапии.
3. Наибольшее количество опытных рекомендаций Святителя касаются плотской и душевной (социальной и личностно-ориентированной) областей подвижничества человека.
4. Особенно следует выделить подробно разработанный Свт. Игнатием экзистенциальный опыт различения духов через помыслы.
5. Методика покаяния и плача, предложенная Святителем, действительно надежно предохраняет следующих его рекомендациям от прелести и прочих личностных искажений.

6. Тем не менее, опыт свт. Игнатия ни в коем случае не может считаться универсальным для всех христиан, поскольку опыт духовной радости, а также проблемы христианина-семьянина ему не были знакомы.
7. Духовно-ориентированная область может быть признана в целом неразработанной свт. Игнатием. По его собственному признанию «высшего счастья - ... слышать истину от самого Пресвятого Духа я не достоин! Я не способен к нему!... А потому всеблагий Господь мой, щадя немощь мою, ... и не представляет мне в снедь сильного духовного брашна» (Т.1, с.121).